

Если считать (допуская, что мавзолей был построен до войн с Диофантом), что главный город скифов не был взят врагом, то это обстоятельство не будет нас удивлять.

\* \* \*

Обращаясь вновь к сообщению Страбона (VII, 4,7) о том, что в Крыму существовали укрепления — Палакий, Хаб и Неаполь, — которые построил Скилур и его сыновья, и сопоставляя это сообщение с археологическими данными, отметим, что столица скифского государства, развалины которой исследуются на городище Керменчик, не была основана Скилуrom, а возникла раньше, еще в начале III века до н. э., как и многие другие скифские городища в Крыму.

Противоречат ли археологические данные тому, чтобы считать городище Керменчик одной из трех крепостей Скилура, названных Страбоном? С одной стороны, не исключена возможность, что среди многочисленных скифских городищ, расположенных между Херсонесом и современным Симферополем, при дальнейших раскопках и будут обнаружены городища, основанные во времена Скилура, во II в. до н. э., но пока мы таких городищ не знаем, возможно, из-за недостаточных полевых исследований. С другой стороны, скорее можно думать, что Скилур и его сыновья не основали крепостей на новых местах, а укрепили ранее существовавшие городища<sup>55</sup>.

Итак, мы видим, что три скифские крепости, упоминаемые Страбоном, еще не локализованы, несмотря на то, что местоположение двух из них (Палакия около Балаклавы и Неаполя около Симферополя) принято считать установленным. Нам представляется, что в настоящее время в пользу отождествления столицы скифского государства, находившейся на симферопольском Керменчике, с Неаполем имеется не больше, а может быть, даже меньше данных, чем в пользу отождествления ее с Палакием. Во всяком случае, вопрос этот остается открытым, и решение его является одной из интересных задач, стоящих перед археологами. Для этого необходимы дальнейшие раскопки скифских городищ Крыма, которые давали и могут дать не только археологические, но и эпиграфические находки.

*О. Д. Дашевская*

## ЗЕМЕЛЬНАЯ РЕФОРМА ТИБЕРИЯ ГРАКХА И РАССКАЗ АППИАНА

Вопросом об источнике Аппиана для истории Гракхов и, в частности, для истории Тиберия и его земельной реформы занимались многие. По мнению Эд. Мейера<sup>1</sup>, этим источником был римский историк, по всей вероятности, Азиний Поллион. Шварц<sup>2</sup> в своей рецензии на работу Мейера отказывается признать Поллиона этим источником, но относит его тоже к I в. н. э. Современником Августа считает его и Вилламовиц<sup>3</sup>. Корнеман<sup>4</sup> предполагает, что это был Кремуций Корд; Каркопино<sup>5</sup> отодвигает время этого источника к эпохе Флавиев. Прежде чем заняться разбором этих мнений, посмотрим, что говорит Аппиан.

Вот его рассказ о земельной реформе Тиберия: римляне, завоеывая Италию, ведут себя по отношению к побежденным отнюдь не как враги: наоборот, они исполнены самой внимательной заботы к покоренным италийцам; ценят их стойкость и выносливость в работе, хотят расположить их к себе и превратить в есте-

<sup>55</sup> См. Соломоник, ук. соч., стр. 116.

<sup>1</sup> Ed. Meyer, Kleine Schriften, Halle, 1910, стр. 383.

<sup>2</sup> E. Schwartz, в «Göttingische gelehrte Anzeigen», 1896, № 10, стр. 792.

<sup>3</sup> Wilamowitz-Möllendorff, Griechisches Lesebuch, I H/Bd, Erläuterungen, стр. 74.

<sup>4</sup> «Klio», XVII (1921), стр. 33.

<sup>5</sup> J. Carcopino, Autour des Gracques, P., 1928, стр. 204.

ственных для себя союзников: италийки для них, ведь родные. Поэтому значительная часть завоеванной земли оставляется ими в распоряжении старых хозяев (... τὴν δ' ἄργον... ἐπεκρήρτυτον ἐν τοσούτοις ἐθέλουσιν ἔκποιεῖν... τότε ἐπαρττον εἰς πολυανδρίαν τοῦ Ἰταλικοῦ γένους, φερετονοτάτου σφίον ὀφθέντος, ἵνα συμμάχους οἰκείους ἔχοιεν — I, 7). Когда земля эта попадает в руки богачей, и население Италии, «замученное бедностью, налогами и походами», начинает редеть (Ἰταλιώτας ἐλιγύτης καὶ δυσανδρία κατελέμβανε, τροχομένους πενίᾳ τε καὶ ἐσφοραῖς καὶ στραταίαις), и в Италии появляются полчища рабов, римский народ негодует на такое положение вещей, понимая, что «у него не будет достаточного количества союзников-италийцев, и что мировому владычеству, которое открывается перед Римом, грозит опасность со стороны огромного числа рабов» (ἐψ' οἷς ὁ δῆμος ἰδουφόρει μὲν ὡς οὐτε συμμάχων εἰς Ἰταλίας ἐτι εὐπορίσων, οὐτε τῆς ἡγεμονίας οἱ γενησομένης ἀκινδύνου διὰ πλῆθος τοσούτου θεραπόντων — I, 8). Тиберий, внося свой закон, думает о благе именно италиков. Он горячо вступился за италиков, как за прекрасных воинов и за родных по крови, говоря, что они постепенно нищают и вымирают!...» (ἰσεμνολόγησα περὶ τοῦ Ἰταλικοῦ γένους ὡς εὐπολεμωτάτου τε καὶ συγγενοῦς φθειρομένου δὲ κατ' ὀλίγον εἰς ἀπορίαν καὶ ολιγανδρίαν — I, 11). Цель тибериева закона (ὁ μὲν νοῦς τοῦ βουλευμάτος — I, 11) совершенно совпадает с мыслями государственных людей тех давних времен, когда римская республика только обediaвала вокруг себя Италию: и тогда думали о том, чтобы италийки, вчерашние враги и завтрашние товарищи по оружию, оставались многочисленным боеспособным народом (см. I, 7: εἰς πολυανδρίαν τοῦ Ἰταλικοῦ γένους), и сейчас в рагах занят мыслью об εὐανδρία, о численном и нравственном возрождении (в слове εὐανδρία объединены оба понятия) италийских племен, которое явится порукой будущим обширным завоеваниям (κτῆσασθαι καὶ τὰ λοιπὰ δι' εὐανδρίαν — I, 11). Он убеждает Октавия «не губить дела, столь благочестивого и столь полезного для всей Италии» (μὴ ἔργον ὑσιώτατον καὶ χρησιμώτατον Ἰταλίᾳ πάση συγγέαι — I, 12). И когда закон его принят, толпа, провожающая Тиберия до самого дома, славит его, как человека, «который возродил не один город и не один народ, а все племена, какие есть в Италии» (οἶα δὴ κτίστης οὐ μίᾳς πέλειος οὐδ' ἐνός γένους ἀλλὰ πάντων ὅσα ἐν Ἰταλίᾳ εἶθνη — I, 13).

Установлено, однако, что Тиберий вовсе не думал наделять земель италиков: закон его имел в виду одних римских граждан. Можно, ссылаясь на то, что Плутарх — источник вообще ненадежный, не принимать в расчет следующих слов Плутарха: «велел... уйти с земли, несправедливо приобретенной, и привял ее гражданам, нуждающимся в помощи» (ἐκέλευσε... ἐκβαίνειν ὧν ἀδικῶς ἐκίκτητο καὶ παραδέχεσθαι τοὺς βοηθείας δεομένους τῶν πολιτῶν — Tib. Gr., 9). Тем не менее у нас остается несомненно объективное и достоверное свидетельство, а именно — земельный закон 111 года, в котором совершенно четко говорится, что по закону Семпрония земельные владения получали только римские граждане (§ 3: quōiue de eo agro loco ex lege plebeive scito III vir sortito ceivi Romano dedit assignavit..., ср. 15<sup>6</sup>). Человек, изображавший Тиберия благодетелем всего италийского крестьянства и борцом за него, явно искажал истину По неведению?

У Аппиана имеется сжатый пересказ двух речей Тиберия (I, 8 и 11), в которых мотивируется необходимость земельной реформы требованиями государственной безопасности и притязаниями римлян на мировое господство. Действительно ли такие речи были произнесены Тиберием? Вполне вероятно: характер его закона, действительно очень «кроткого и мягкого» (Plut., Tib. Gr., 9) по отношению к посессорам, дает право думать, что Тиберия беспокоили судьбы не одних крестьян, но и всей страны вообще<sup>7</sup>. Возможно, однако, что не сам Аппиан, а его источник вложил эти речи в уста Тиберия. У нас нет данных, чтобы с уверенностью настаивать на том или другом ответе. Несомненно одно: италийская, если можно так выразиться, окраска, приданная этим речам

<sup>6</sup> Ср. Cic., De rep., III, 41: Ti. Gracchus... sociorum nominisque Latini iura neglexit ac foedera (C a g s o p i n o, ук. соч., стр. 83 сл.). Статьи Теруцци, на которую ссылается Каркопино, в моем распоряжении не было.

<sup>7</sup> Ср. R. Pölmann, Zur Geschichte der Gracchen, SBAW, 1907.

Тиберия, сообщена тем же автором, который сделал Тиберию представителем всех италиков. И римский народ в своем отношении к италикам не уступает Тиберию. Тиберий действует в полном согласии с римским плебсом. Мы знаем, как в 125 г. встречен был проект закона de civitate danda, внесенный Фульвием Флакком, и нет никакого основания полагать, что за десять лет до этого законопроекта мысли римского народа в этом отношении отличались большей широтой и великодушием. Поэтому приходится отбросить предположение, что наш автор не знал подлинного положения дел; надо искать у него какую-то определенную цель, преследуя которую он и написал свое произведение.

Тиберий у Аппиана приводит в защиту своего закона «много разных доводов, убедительных и важных» (πολλά μὲν ἄλλα προέειπεν ἐπαγωγὰ καὶ μακρά — I, 11), но в упомянутой речи их сохранилось только два. Чрезвычайно интересно, что эти свои речи Тиберий обращает не к беднякам, как у Плутарха, а к людям богатым. Оратор рассматривает современное ему положение, имея в виду те опасности, которые грозят как раз состоятельному классу; он целиком занят его интересами. Он «негодует на рабское состояние» не только потому, что рабы не годятся в солдаты, но и потому, что «они никогда не бывают верны своим господам» (I, 9). Упоминание о том, «сколько пострадали сицилийские хозяева от своих рабов», должно было ударить по сердцу римского рабовладельца и гражданина стыдом и страхом. Как ни кратко изложение Аппиана, но и по нему видно, что источник, лежавший в основе этого изложения, безжалостно осыпал своих читателей воспоминаниями о войне с рабами, «не легкой и не короткой», и об ее «пестром ходе», когда удача сменялась поражениями. А Сицилия была ведь не единственным очагом восстания; пламя рабских мятежей широко разлилось по всему миру: в Риме это прекрасно знали. Ужели не пришло время воздвигнуть тот заслон, ударившись о который это пламя упадет и затухнет? Вопрос был жизненно важным; над ним не могли не призадуматься самые легкомысленные головы. Количество рабов необходимо сократить, но где же достать тогда рабочую силу, если и безземельные батраки получают свою землю и будут заняты на ней?

Этот тревожный вопрос предусмотрен нашим автором: цель Тибериева закона (ὁ νόμος τοῦ βουλευμάτος) отнюдь не в том, чтобы создать класс, экономически совершенно независимый от людей богатых. Тиберий заботился не об εὐτορία, не о богатстве для крестьян; а только об εὐαυρία (мы говорили уже о значении этого слова): крестьянин получает такой участок земли, который обеспечит ему кусок хлеба, возможность растить детей, уверенность в завтрашнем дне, но отнюдь не обогатит его настолько, чтобы он отказался от всякой работы на стороне. Запрещение продавать наделную землю и естественное разрастание семьи должно неизбежно повести к увеличению числа свободных работников, которые охотно предложат свои услуги богатому соседу: владельцы крупных хозяйств могут не тревожиться.

Вопрос о наемных рабочих для римского землевладельца имел большое значение. В имениях такого типа, которые имел в виду Катон, и где занимались преимущественно полеводством и садовыми культурами, рабов держали с таким расчетом, чтобы их хватало для выполнения текущих, каждодневных работ. Без свободных поденщиков, рабочих артелей, крестьян-издольщиков, которым хозяин отдавал часть хлебных нив, хозяйство было немислимо. Достаточно беглого просмотра Катона, чтобы убедиться в этом. Не будет свободных рабочих — и хозяйство рухнет. Наш автор знал, что дело, успокаивая на этот счет встревоженных землевладельцев.

— Естественно возникает вопрос, как примирить это обязательное наличие в имении свободных сельскохозяйственных рабочих со словами о полчищах рабов, «размножившихся в поместьях» (ἡ ἐξημένων... ἀπὸ γεωργίας — I, 9), и о богачах, у которых «на земле вместо свободных людей работают рабы» (τῶν πλουσιῶν... γεωργοῖς ἠραμιένων θεράποντι ἐλευθέρων — I, 7). В действительной жизни ни о каком примирении не может быть и речи: оба только что приведенные положения взаимно одно другим исключаются. Жизнь, однако, воспринимается людьми далеко не всегда в строгом соответствии с действительностью. В этой действительности сплошь и рядом разбираются они плохо, и подменяют ее теми построениями, над созданием которых трудятся их

мысль, не всегда трезвая, и чувство, обычно взбудораженное. Рабы внушали страх; имело ли смысл для нашего автора его рассеивать? Для его целей полезнее было этот страх еще усугубить. Если бы в его распоряжении имелись даже статистические данные, свидетельствовавшие о преобладании свободных рабочих над рабами в сельском хозяйстве, то вряд ли бы он стал их приводить. Ему нужно было припугнуть землевладельцев рабами и утешить их относительно свободных рабочих: он это и сделал не без искусства, со справедливым расчетом, что для большинства его читателей отнюдь не требуется строгая логика в развитии доказательств. Но скупые слова о «замысле Тибериева закона», на счастье уцелевшие в пересказе Аппиана, позволяют нам и глубже заглянуть в намерения нашего автора, и оценить его превосходное знакомство с реальной обстановкой, его окружавшей.

Итак, свободное и обеспеченное крестьянство должно, по мысли Тиберия, заслужить рабовладельцев от тех опасностей, которыми грозило «рабское сословие». Не этим, однако, ограничивается его роль в государстве: на нем лежит и другая важнейшая задача. Римляне к этому времени «подчинили себе всю обитаемую землю» (Polyb., VI, 50): Балканский полуостров, бывшие владения Карфагена, земли в Малой Азии, Испания, от которой Рим никак не хотел отказаться, несмотря на все трудности, на которые он здесь натолкнулся. Эта завоевательная политика диктовалась, конечно, интересами рабовладельческой верхушки. Для сената вопросы национальной чести и национального достоинства имели в завоевательной политике если и не исключительное, то, во всяком случае, большое значение, для всадников же и вообще всех денежных и торговых людей заморские земли были прежде всего обетованным краем, озабоченный автор речи, и какими «опасностями и страхами» (κινδύνον καὶ φόβον) пугал их: опасностями неизбежными, если государство окажется не в силах даже удержать захваченные земли. А угроза эта была отнюдь не призрачной: римское войско сейчас оставляло желать многого. Оно терпит поражение за поражением: его жестоко бьют испанские пастухи; бьют сицилийские рабы; бьют партизаны Аристоника. С таким ли войском думать о «захвате ойкумены»? И кто даст стране надежных, стойких солдат, как не крепкое здоровое крестьянство?

Что же мы видим? Тиберий предстает перед нами в освещении не совсем привычном: это не народный трибун, занятый исключительно судьбами тех, кто сражается и умирает за Италию, не имея собственной глыбы земли, а государственный деятель, озабоченный, правда, судьбой крестьянства, но не только ради него, а и ради выгод рабовладельческого класса. Их интересами продиктовано и внимание ко всей Италии. Подлинный закон Тиберия должен был, конечно, только озлобить италиков; Тиберий у Аппиана занят прежде всего улучшением их доли. Мы говорили уже, что об италиках беспокоится весь римский народ (ἄϊμος = plebs), и Тиберий, внося свой закон, только выполняет его волю: таким образом, Тиберий оправдан перед италиками совместно с римским плебсом. Если италики не получали земли, то вина в этом лежит на их же братьях-италиках, только богатых, и на Сципионе, который так умело за этих богачей вступился (I, 19). Италики были обижены все: богатые тем, что у них отнимали землю; бедные тем, что их этой землей не наделяли. Стремился ли наш автор сознательно к тому, чтобы разъединить италиков острым кливом классовых противоречий? Была ли приведенная им версия единственной, которая давала возможность использовать широко известный факт вмешательства Сципиона по просьбе италиков в дела земельной комиссии таким образом, чтобы очернить Сципиона и обелить Тиберия? Вероятно, и то и другое: хотелось перед лицом всех бедняков-италиков нанести удар ненавистному врагу, и было очень полезно сплотить единством интересов бедных италиков и бедных римских граждан.

Если Тиберий был чист перед италиками, если он пекся о бедняках, то это никак не значило, что он был врагом людей состоятельных. Совсем наоборот: его забота о бедном крестьянстве отнюдь не переходила той границы, за которой крупного земле-

владельца мог ожидать ущерб. Желание избавить богатых людей от страха перед рабами разве не было вызвано беспокойством именно за рабовладельцев? Разве единственный верный путь для покорения всего мира был указан не заботливой мыслью о тех, для кого эти заморские земли оказывались неисчерпаемой золотой жилой? Итальянское крестьянство, состоятельные землевладельцы, денежные люди — обо всех подумал Тиберий, заботясь о том, чтобы каждый оставался на своем месте и располагал тем, на что мог притязать по своему состоянию и положению. Пропаста, которую он своей деятельностью будто бы вырыл с одной стороны, между собой и италичами, а с другой — между собой и рабовладельческой верхушкой, на самом деле не существовало: истинное положение дел изображено нашим рассказом. А так как рассказ этот вовсе не соответствует действительности, то мы имеем право видеть в нем тенденциозное произведение, своего рода памфлет, созданный с определенными видами. Когда же он был составлен и кому был нужен?

Шварц считает, что такой революционер, каким был Тиберий, не мог обосновывать свою реформу военными целями; мысли, им выраженные, принадлежат августовскому времени (ук. соч., стр. 802—803). С этой аргументацией вполне согласен и Вилламовиц (ук. соч., стр. 74). Можно ли, однако, принять ее? Для кого в I в. империя личность Тиберия имела такое значение, что стоило перевернуть важнейшие исторические факты, чтобы придать соответствующую окраску его деятельности? Чем отношение к нему могло измениться в зависимости от того, распространялся его земельный закон на италичков или нет? Август не нуждался для освещения своей деятельности в том, чтобы вызывать его тень. Тиберий не был окружен ореолом той глубокой древности, продолжателем чьих традиций любил изображать себя Август; для императорского двора и для его окружения он представлял собой фигуру достаточно революционную. И уже, конечно, не сенатская, навсось аристократическая оппозиция, стала бы заботиться о реабилитации мятежника, который первым пошатнул республиканский строй и проложил дорогу ненавистной тирании. Мнение Каркопино, справедливо отвергающего общепризнанную датировку временем Августа, как бездоказательную (ук. соч., стр. 204, прим. 7), вряд ли можно принять. Свое утверждение, что Аппиан зависел от римского историка, писавшего при Флавиях, когда «империя была в апогее своего величия, в один из самых славных периодов римской литературы и искусства», он обосновывает грамматическим разбором одной фразы Аппиана: *τρεῖς ἄνδρας ἐναλλάσσοντες κατ' ἑτός* (речь идет о членах земельной комиссии — I, 9). Доказав чрезвычайно убедительно, что члены земельной комиссии не выбирались ежегодно, а только сменяли поочередно друг друга, уходя каждый на два года «в запас», и на третий возвращаясь к исполнению своих обязанностей, Каркопино напоминает, что глагол *ἐναλλάσσω* значит не «менять», а «обменивать» (стр. 150—152), и что приведенная выше фраза Аппиана «позволяет без труда восстановить латинский оригинал, от которого она, по всей вероятности, идет: .... *tres viros creati quotannis alternatos*» (стр. 153). Аппиан (Каркопино считает, что между Аппианом и его латинским источником посредствующего звена не было) в точности передал *part. pass.* латинского оригинала. Страдаемые же формы от глагола *alternare* вытеснили активные, имевшие одинаковый с ними смысл, в I в. н. э. первые примеры предпочтения пассивных форм этого глагола мы встретим у Колумеллы, последние у Юстина; их очень много у Сенеки, у Силия Италика. Таким образом, восстановленное на основании *ἐναλλάσσοντες* Аппиана *alternatos* его латинского источника позволяет датировать этот последний второй половиной I в. н. э.

Вывод этот поражает своей легковесностью: чтобы поверить ему, надо предварительно доказать, что Аппиан стремился не только передать смысл своего источника, но и сохранять грамматические формы оригинала. Так как оригинал этот утерян, то сделать это невозможно, и *alternatos* остается не свидетельством подлинного текста, а произвольным, хотя и остроумным домыслом Каркопино. Английский историк, рецензировавший его книгу, видимо, почувствовал всю слабость вышеизложенного

\* Относительно военной политики Августа см. P ö l m a n n, ук. соч., стр. 497.

доказательства и в подкрепление датировки Каркопино привел то обстоятельство, что как раз интерес к аграрным вопросам был оживлен в эпоху Флавиев «кампанней Веспасиана против вторжения на *ager publicus*»<sup>9</sup>. Но Веспасиан мог распорядиться имениями сенаторов, казенных его предшественниками, как ему было угодно, не прибегая для оправдания своей деятельности к авторитету Тиберия. Если его распоряжения относительно запустевших земель и могли вызвать воспоминания о законе Тиберия, то зачем в эпоху Флавиев было изображать деятельность Тиберия в том освещении, которое дает источник Аппиана?

Наш памфлет мог быть написан только тогда, когда ни личность Тиберия, ни его деятельность еще не потускнели от времени, когда имело смысл набирать ему друзей, когда его именем можно было руководить и направлять. Такие вещи возникают, как феникс, из пепла погребальных костров; их не сочиняют спустя столетия. И пишут их не зря; так выворачивают факты наизнанку не ради риторических упражнений, а для того, чтобы кому-то крепче помочь, кого-то сильнее ударить. Между рассказом Аппиана и биографией Тиберия у Плутарха лежит пропасть, созданная не столько даже разницей в фактах (хотя она и велика), сколько разницей в их освещении. У Плутарха — сентиментальная повесть о юноше, украшенном всеми добродетелями, обращается к сердцу жалостливому и мягкому, которое податливо на всякое правоучение и выше всего ставит идеал личного совершенства. Памфлет, отзвуки которого сохранились у Аппиана, был клинком, отточенным для битвы.

Кто выковал его? Не зная имени, мы можем все-таки представить себе облик мастера. Это был человек с широким политическим горизонтом, государственный деятель большого масштаба. Он превосходно учел ошибки Тиберия; понял, что при земельной реформе нельзя обойти италиков; понял, что вступив на путь реформ, нельзя опираться на одних крестьян, а надо привлечь на свою сторону и тех, кто обладает богатством и пользуется влиянием. Он знал, как действовать на этих людей; искусно играл на таких двух сильных человеческих чувствах, как страх и надежда, не боялся преувеличений и умело переплетал вымысел с действительностью. Он сумел в своем памфлете представить разрешенную задачу, вообще неразрешимую: изобразить земельную реформу Тиберия в таком освещении, что она оказывалась выгодной для всех тех классов, чьи интересы были от века непримиримы. И в этом освещении проецировались в прошлое основные пункты реформаторской деятельности тех, кто продолжал, но уже по-иному, дело Тиберия, добиваясь уравнения италиков с римскими гражданами и ища союза с рабовладельческими верхами. Вспомним, с какой настойчивостью подчеркнут италийский аспект реформы Тиберия; какой упор сделан на перспективу завоеваний, столь желательных для всаднических кругов. Памфлет, изложенный Аппианом в сокращении и, как принято думать, из вторых рук, был создан в среде людей, группировавшихся вокруг Гая Гракха; он был заказан и вдохновлен им, а может быть, им и написан. Не это ли βιβλίον «книжечка», о которой вспоминает Плутарх (Тиб. Gr., 8) и в которой, по его словам, Гай рассказывал о своем брате?

Этот памфлет был внушен соображениями продуманными. Тиберий, оказывается, хотел в согласии с римским плебсом наделить землей всех бедных италиков; этому помешал Сципион Эмилиан, глава сенатской партии: италийский крестьянин будет теперь хорошо знать, кто ему друг и кто враг. Тиберий, которого враг его изображали сокрушителем всех основ римской государственности (Plut., Tib. Gr., 9), оказывается, был обеспечен слабостью государства, вполне признавал завоевательную политику и хотел создать крепкую армию, с которой только и можно было эту политику проводить. И тут помехой стал ему опять-таки сенат, члены которого осквернили себя убийством невинного человека, разумного государственного деятеля. Как расценивать подобное правительство?

Примерно такие чувства и мысли будил наш памфлет. Тиберий был силой при жизни: в нем видели избавителя, за ним ходили тысячи толпы. И мертвый он остался силой: смерть не смогла прервать его деятельность. Он опять становился в ряды

<sup>9</sup> G a r y, «Classical Review», 1929, май, стр. 82—83.

борцов за свое дело: искусно составленная «книжечка» прокладывала дорогу его продолжателям, освещала их деятельность именем любимого вождя, спланивала друзей, притягивала колеблющихся; она создавала общественное мнение: единый фронт против единого врага.

Если наши соображения верны, то здесь можно сделать и кое-какие выводы относительно источника Аппиана. Совершенно отпадает предположение Каркопино, что между Аппианом и его источником нет никакого посредствующего звена, так как Аппиан и автор, им используемый, якобы почти соприкасаются по времени. Трудно представить, чтобы автор, писавший во второй половине I в. н. э. (к этому времени относит Каркопино источник Аппиана) знал литературу эпохи Гракхов: к его времени она была, конечно, уже утеряна. Автор, использовавший памфлет, о котором шла речь и через посредство которого с этим памфлетом ознакомился Аппиан, не был отделен от Гракхов большим промежуточным временем. Если Эд. Мейер прав, и Аппиан пользовался в I книге своих «Гражданских войн» только одним источником, то надо признать, что источник этот пользовался теми материалами, которые имелись в его распоряжении, довольно бездумно, предпочитая просто списывать без рассуждения и проверки; определенных политических тенденций у него не было: достаточно сравнить страницы, посвященные Тиберию, с главами о Гае. Историческая литература того времени дошла до нас в таких отрывках, что бесполезно гадать об имени этого источника, но, может быть, дальнейшее изучение Аппиана, начало которому положил Швард (RE, II, стб. 216), позволит ближе и полнее охарактеризовать этот источник.

Проф. М. Е. Сергеев

### О ПРИМЕНЕНИИ РАБСКОГО ТРУДА В СЕЛЬСКОМ ХОЗЯЙСТВЕ ИТАЛИИ В I в. н. э.

Маркс и Энгельс, давшие глубокий анализ причин гибели рабовладельческой формации, указывали, что на последнем этапе ее развития рабство стало экономически невыгодным: «Рабство перестало окупать себя и потому отмерло»<sup>1</sup>. Известно, что в начальный период своей истории рабство сыграло положительную, прогрессивную роль; оно способствовало развитию производительных сил, науки, техники, искусства. В конце же своего пути рабство, наоборот, превращается в помеху для дальнейшего развития производства, в тормоз для роста производительных сил, в причину хозяйственного и технического застоя и упадка. Маркс подчеркивал губительное влияние рабского труда особенно для производства с высоким уровнем техники: «Рабочий, по меткому выражению древних, отличается здесь только как *instrumentum vocale* от животного как *instrumentum semivocale* и от неодушевленного орудия труда как от *instrumentum mutum*. Но сам-то рабочий дает почувствовать животному и орудью труда, что он не подобен им, что он человек. Дурно обращаясь с ними и со всем подвергая их порче, он достигает сознания своего отличия от них. Поэтому экономический принцип такого способа производства — применять только наиболее грубые, наиболее неуклюжие орудия труда, которые как раз вследствие своей грубости и неуклюжести труднее подвергаются порче»<sup>2</sup>.

Вполне понятно, что этот основной порок рабского труда должен был в древности сказываться тем более, чем выше развивались производительные силы общества. Поэтому чрезвычайно важно проследить этот процесс в его конкретных особенностях. Но здесь-то и выступает перед исследователем основная трудность — общезвестная

<sup>1</sup> Ф. Энгельс, Происхождение семьи, частной собственности и государства, К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XVI, ч. 1, стр. 127.

<sup>2</sup> К. Маркс, Капитал, т. I, М., 1949, стр. 203, прим. 17.